

Занятие №62-64.

Народная медицина Кубани.

Здравствуй, колодец Иван, земля Татьяна, вода Ульяна! Я пришла за здоровьем...»

Народная медицина не без оснований считается предметом малоизученным, хотя кому из нас не приходилось встречаться с древними рецептами врачевания! Простые и наивные на первый взгляд, они заключают в себе многовековой опыт познания природы и человека.

Не так еще ясны весьма сложные закономерности, в силу которых происходило развитие традиционных народных знаний. Теснейшим образом они были связаны с поверьями, легендами, сказками, системой примет, гаданий, запретов, и в то же время это комплекс совершенно рациональных методов, лечебных приемов и средств, которые применялись для предотвращения и лечения заболеваний. Не случайно народная медицина ныне привлекает внимание различных специалистов. Для врачей-практиков это дополнительный резерв любопытнейших рецептов, способов и средств лечения, для фольклористов — уникальный источник древних заговорных текстов, этнографов же народная медицина интересует как часть традиционной культуры, через которую с наибольшей силой выражается этническое своеобразие народа.

Хранителями врачевальных традиций выступают знахари и знахарки: им ведомы рецепты снадобий и зелий, магические формулы заговоров, они прекрасно знают свойства растений окрестных полей и лесов... Автору этих строк не раз доводилось беседовать со старожилыми-станичниками, пользовавшимися в народе славой целителей. Сведения, собранные в ходе этнографических экспедиций* в станицах и хуторах Кубани, и легли в основу нашего очерка.

* Полевые материалы собраны в ходе экспедиций 1983—1987 годов, организованных фольклорно-этнографической комиссией Хорового общества Краснодарского края. Руководитель экспедиции — Н. И. Бондарь.

Народная медицина восточнославянского населения Кубани сложилась на базе традиционной русской и украинской медицины в XIX веке, но тем не менее получила широкое распространение. Условия жизни переселенцев-казаков, особенно в конце XVIII — первой половине XIX века, были далеко не благоприятными. «Из болот, облегающих край с трех сторон и загроможденных сорными, разлагающимися на корне» растениями, — писал кубанский историк И. Д. Попко, — отделяются тлетворные вещества, производящие желчную лихорадку, на казацком языке «корчей», на черкесском — «тхегхау». Периодически здесь свирепствовали «черные болезни» — холера и чума, а также скарлатина, корь, оспа, случалась и проказа, по-местному — «крымка». А квалифицированная медицинская помощь населению была совершенно недостаточной. Первое лечебное учреждение — войсковой «гошпиталь» — появилось в 1800 году и долго оставалось единственным, аптека в Екатеринодаре открылась только в 1803 году. В это время в городе имелся всего один врач, да и тот, по словам документа, «обращается в частой напитокости и содержится для вытрезвления под караулом».

Не будет преувеличением сказать, что и столетие спустя, в начале XX века, большинство жителей края оставались без врачебной помощи и лекарств. Так, согласно отчету наказного атамана о состоянии народного здоровья за 1903 год, одному врачу приходилось обслуживать 16 530 человек! Неудивительно, что знахари зачастую официально признавались специалистами лечебного дела. В 1838 году, например, Платнировское куренное правление просило освободить от военной службы казака Якова Ткаченко, «знающего врачевание от бешенства», а земское начальство Екатеринодарского округа по тем же основаниям ходатайствовало о переводе «в отставные казаки» малолетка (так называли казаков допризывного возраста.) Новомышастовского куреня Гордея Троценко. Ейское земское начальство в 1841 году выдало свидетельство на право лечения людей и животных от бешенства казаку Кисляковского куреня М. Фоменко.

Поскольку «уязвления сиею болезнью людей и скота происходили весьма часто и скоропостижно», «специалисты» этого профиля имелись, по всей видимости, почти в каждом населенном пункте.

В 1862 году, когда в Константиновском укреплении (в Новороссийске) объявился бешеный волк, покусавший несколько солдат, через наказного атамана были экстренно запрошены станичные правления с просьбой командировать в укрепление казаков, «которые в подобных случаях умеют быть полезными», и таковые нашлись в станицах Динской, Кореновской, Березанской, Переясловской, Новоджерелиевской, Новокорсунской, Бриньковской и многих других. Из документов врачебной управы следует, что бешенство (водобоязнь) казаки лечили отваром особых трав, собранных в начале мая, и молитвами, раны же от укусов животных промывали хлебным квасом и натирали мелкой солью.

Вообще у черноморских казаков знахарством исстари занимались, как правило, куренные кашевары. Дома и в походе имели они при себе запас лекарственных растений и снадобий, могли заживлять раны жидкими растительными мазями, собирать без разреза тканей раздробленные кости, забинтовывая потом руку или ногу в лубок, а в случае гангрены (антонов огонь) обычным ножом делали ампутацию поврежденной конечности. Впрочем, варварский характер некоторых методов врачевания того времени производил на просвещенных медиков шокирующее впечатление. Любопытен в этом отношении рапорт лекаря Кирхнера в войсковую канцелярию Черноморского казачьего войска за 1804 год. Объезжая пограничные кордоны в Тамани, он «нашел крайнее злоупотребление» кровопусканием, к которому, по его словам, казаки прибегали при любых недомоганиях — от головной боли до «засорения желудка». Казак Ивановского куреня Марк Сухина, например, лечил таким образом свою застарелую ломоту в течение пяти лет... 83 раза! Причем процедуру проводили, ужасался Кирхнер, «козаки и старшины войсковые, прежде табунщиками и врачами над лошадьми прославившиеся, ибо само орудие кровобросательное инструментом назвать невозможно — состоит из маленького топорика, или долотце прикладывают к какой-либо кровеносной жиле, по коему ударяют молотком...».

Но что там отдаленные кордоны, когда во многих станицах не было фельдшеров и аптек! Зато почти в каждой имелись «известные своим знахарством личности». Кубанский историк Ф. А. Щербина (1849—1936), детство которого прошло в Новодеревянковской, вспоминал, что от всех болезней лечили в станице знахарки, или, как их называли, шептухи: «толстая и неповоротливая баба Терпилиха, бойкая и проворная баба Чепижиха, скромная и богобоязливая баба Вариводка и другие», причем каждая из них практиковала по своей специальности. Вариводка хорошо лечила

теплыми припарками и настоями трав вывихи и ломоту, Чепижиха — корчий (лихорадку), а Терпилиха — переполох (испуг).

Знахарские средства, бывшие в отличие от аптечных лекарств всегда под рукой, обходились пациентам весьма недорого. «Знахарка возьмет то, что ей дадут,— пятак, хлеб, несколько яиц, курицу, миску «борошна» (муки),— писал в конце XIX века один из исследователей быта кубанских станиц,— а если иной раз ничего не дадут, то не обижаются». Интересно, что с подобной трактовкой оплаты знахарского труда мы встретились и в ходе наших, современных, экспедиций. По рассказам одной из знахарок, с которой нам довелось беседовать на хуторе Красный Октябрь Тихорецкого района, ее бабушка, всю жизнь лечившая людей и передавшая внучке свои знания, наставляла ее такими словами: «Лечи, внученька, людей, спасай. Особенно маленьких детей от испуга лечи, но ничего не бери с людей, ни с богатых, ни с бедных... За это тебе Бог здоровья даст, ты будешь здорова до самой смерти». Для большинства народных лекарей врачевание не являлось основным источником доходов. (Людей, так или иначе связанных с целительством, называли по-разному: чаривник, басорка, ворожка, знахарь, знахарка, характерник, вихованец, ведьма, ведьмак, колдун и т.д. Между ними существовали определенные различия. Ведьмами, например, считались женщины, которые якобы занимались черными делами: доили по ночам чужих коров (после чего у тех пропадало молоко), могли наслать на человека порчь, болезнь или сделать так, что не будет хорошего урожая. Свои безобразия ведьмы творили в «сполуношныи час», то есть с 12 до 1 часа ночи.

Вера в ведьм была на Кубани общераспространенной. «Приезжайте вы в любую станицу, хутор или селение,— сообщал корреспондент «Кубанских областных ведомостей» в 1909 году,— и спросите на улице первую попавшуюся женщину: «Что, ведьмы у вас есть?» Она непременно скажет: «Сколько угодно!» Да еще назовет их по именам, фамилиям, где живут, и расскажет про них разные небылицы, и в дополнение будет уверять вас, что видела сама своими глазами, как баба-ведьма оборачивалась собакой, свиньей, кошкой, колесом и прочими оборотнями...»

Ведьма, согласно народной демонологии, могла быть «родимой» и «ученой». У «родимой», являющейся таковой с самого рождения, будто бы имеется небольшой хвостик, злыми делами она, как правило, не занимается, «работает как и все», но может сразу же определить «ученую» ведьму, для этого ей достаточно посмотреть той в глаза. «Ученые» же ведьмы свои вредоносные знания черпали из магических книг, в частности из волшебной «Черной магии»...

Ведьмам обычно приписывалась способность испортить человека, однако считалось, что ведьма может и вылечить. Но за последствия такого лечения ручаться было нельзя, в народе говорили: «Ведьма лечит, да опять калечит».

За свои прегрешения ведьма страшно мучится перед смертью, ей необходимо во что бы то ни стало передать свои знания. Для этого она должна держать человека за руку и прочитать специальный заговор. Если же сделать это не удастся, ведьма, по словам наших информаторов, «и воет, и вищит, и с кровати тикает». Чтобы облегчить ее страдания, в потолке сверлили дырку, а саму ведьму клали на пол.

Колдуном считали человека, который делал людям прежде всего зло: мог остановить свадебный поезд и заколдовать участников свадьбы, превратив их в волков, мог наслать серьезную беду, болезнь, но мог и исцелить. Поэтому его старались задобрить, приглашали на свадьбу дружкой,

обращались с ним почтительно. Ведь даже после своей смерти колдун, по общему убеждению, был способен принести немало вреда. Чтобы навсегда избавиться от него, в могилу забивали осиновый кол, поскольку считалось, что именно осину не переносит нечистая сила.

В отличие от вышеописанных персонажей, наделенных в народной мифологии многими фантастическими качествами и зловредной сущностью, знахарями и знахарками, а чаще бабками, дедками называли людей, за которыми не было замечено ничего предосудительного, тех, кто делал добро, избавлял от болезней, помогал при родах, защищал от дурного глаза и порчи. Некоторые знахари, в основном мужчины, обладали хирургическими навыками, таких называли «костоправы».

По словам одной из жительниц станицы Некрасовской, «знахарей уважали, колдуна боялись, а ведьму презирали».

Знахари, как и колдуны, чаще всего передавали свои знания по наследству. Считалось, что их можно передать человеку, младшему по возрасту, являющемуся первым или последним ребенком в семье.

Среди занимающихся лечением, как уже отмечалось, существовала определенная специализация. Были люди, которые лечили только от одного недуга (сибирка, волос, волчий лишай). Если болезнь была не в компетенции знахарки, она отсылала больного к другому лекарю: «Мы с тобой разной крови, сходи до другой бабки, она тебе поможет» (станция Некрасовская).

Обычно лечением занимались люди одинокие, старые, иногда с физическими недостатками. Они и внешним видом отличались от окружающих. Свои действия знахари старались проводить в особой, таинственной обстановке, благодаря которой магические приемы сильнее влияли на больного. К тому же сами знахари являлись, как правило, людьми незаурядными, умными, обладающими силой воли, неплохо разбирающимися в психологии попавшего в беду человека. Именно со знахарством связано применение в народной медицине средств психологического внушения — различных модификаций гипноза, аутогенной тренировки.

Лечение знахарем-колдуном своих пациентов основывалось на народных представлениях о болезни как о живом существе. Так, в кубанских заговорах болезнь изображалась существом вполне телесным, материальным, которое «нападает» на человека, «грызет» его, «ест», «крутит», «корежит». Любопытно и записанное нами в хуторе Черном (Анапский район) представление о том, что болезнь «стоит» у каждого человека, но не каждый заболевает ею, наиболее уязвимы дети и старики. Среди причинных факторов заболеваний особое значение придавалось вредной пище, голоду, физическому перенапряжению, отрицательным климатическим воздействиям, контактам с больными, пристрастию к алкоголю и т. д.

Диагностика и прогнозирование исхода болезни осуществлялись как рациональными, так и иррациональными способами. Например, для того, чтобы определить, будет ли жить больной ребенок, знахарка наливала воду в чашку, ставила на голову ребенку и через два ножа крест-накрест лила в чашку расплавленный воск. Если выливался круг — то ребенок поправится, а если крест — то умрет.,

Аналогичным способом распознавали причину испуга: в чашку с водой выливали расплавленный

воск, смолу или куриное яйцо и по образовавшейся фигуре определяли, кого испугался ребенок.

Довольно часто, не имея возможности установить происхождение заболевания, знахари объясняли его скрытыми, таинственными причинами. Например, недуг мог принести «вихор» — смерч: тот, кто попадает в него или кого он «пидвие», то есть закрутит, заболевает «черной болезнью», от которой никогда уже не выздоровеет. Больной слабеет, с ним случаются судорожные припадки, галлюцинации... «Черная болезнь» — это не что иное, как падучая, эпилепсия.

Считается, что «вихор» насылают колдуны и ведьмы. Темной ночью выходят они на перекресток дорог и пускают вредоносные молитвы по ветру. Бытует также представление, что «вихор» — это злой дух, обратившийся ветром: если на пути его поставить нож или топор, на них якобы останется кровь.

Причиной болезни могло быть не только колдовство, но и несоблюдение определенных правил и запретов. Так, на свадьбе молодые не должны были говорить никому спасибо, в знак благодарности им разрешалось лишь кланяться. На Троицу, когда девушки бросали на воду венки, гадая о суженом, строго запрещалось прикасаться к чужому венку, чтобы не навлечь болезнь.

В возникновении таких недугов, как бех, бышиха, сглаз, пристрит, виновными считались дурной глаз, дурное слово, неосторожно высказанная похвала либо чей-то злой умысел, материализованный через подброшенную, наговоренную вещь. Чтобы уберечь грудного ребенка от сглаза, его старались не показывать чужим людям, что фактически защищало неокрепший детский организм от случайной инфекции. А узнать, сглазили ли человека, можно было, бросив зажженную спичку или уголек в чашку с водой: если потонут — значит, сглазили.

Представление о болезни как о человекоподобном существе нашло отражение в обращении к ней: тетка, сестра, старуха или в третьем лице — она.

Болезнь представляли и в виде животного: черная собака, бегающая по земле — холера, жаба — ангина, лошадиная голова - «коровий мор».

{А раз так, в лечебных заговорах к ней, как к живому существу, обращались с просьбой уйти: «Иди соби на очерета, на густые лозы, на болото, где солнце не светит, человеческий голос не слышен!» Или старались запугать, выражая угрозу: «Грыжа, грыжа, у тебя шесть зубов, а у меня семь — я тебя закупаю, я тебя съем!».

Лечение заговором, часто сочетающееся с другими способами, — наиболее употребляемый метод в знахарстве. Практическая цель заговора состояла в том, чтобы оградить человека от проникновения в его тело болезни либо изгнать ее из больного.. С помощью заговоров на Кубани лечили сглаз, порчу, переполах, свих, простуду, кровотечение, младенческое, зубную боль, опущение желудка, тоску, бышиху, килу, бельмо, змеиный укус и т.п. Непременным условием при произнесении заговора было соблюдение определенного ритуала: слова шептались или проговаривались нарочито громко, скороговоркой, «не переводя дыхания»; лечить следовало в определенное время — на утренней, вечерней заре, на молодике (молодой месяц) и в определенном месте — на перекрестке дорог, у постели больного, на берегу реки, у куриного насеста, около огня и т. д. Сама обстановка и манера шептания оказывали известное

психотерапевтическое влияние на больного.

Представление о том, что заговору и молитве присуща особенная внутренняя сила, нашло свое отражение и в обычае размачивать в воде написанный на бумаге текст, а затем выпивать воду, воспринимая таким путем силу магических заклинаний.

В большинстве заговоров явно прослеживается влияние христианства. Перед лечением почти всегда рекомендовалось прочесть молитву «Отче наш», многие заговоры начинаются словами: «Матушка Богородица, встань на помощь»; «Буду я Господа Бога просить и Святую Богородицу на помощь звать» и т. п. Знахари при этом выступают как бы не от себя, а от имени Бога: «Не я лечу, а я шепчу»; «Сам Господь три раза дунуть мне дал»...

Заговоры и заклинания не были монополией только знахарей и колдунов. Значительная часть их использовалась фактически всеми: тексты переписывали в тетради, передавали друг другу устно.

Наряду с заговорами в народной лечебной практике находили применение и другие способы оказания помощи: болезнь «смывали», «выкуривали», «вымеряли», «высасывали», «выгрызали», «топтали» и т. д.

Использование воды в знахарских обрядах восходит к языческому мировоззрению. Не только у славян, но и у других народов особенно почитались те места, откуда брали свое начало реки, ручьи, родники, где сливались две реки. Вода, взятая на месте впадения одной реки в другую, применялась, например, для лечения тоски. При этом знахарь обращался к воде как к некоей могущественной силе: «Ты плывешь по лугам, по берегам, по желтым пескам, по кореньям, по камням. Измой из порожденной, молитвенной,.. крещеной (имярек) тоску, загони ее под дубову доску...» Широко бытовала на Кубани и вера в то, что первые дождь, град дарят здоровье, силу, красоту. Первым дождем умывались, чтобы на лице не было бородавок и прыщей, а первым градом лечили болезни глаз. Наговоренная вода, то есть вода, над которой читался заговор, использовалась при лечении испуга, порчи, пристрита, лихорадки, сибирки и многих других болезней: больного поили этой водой, обрызгивали, умывали лицо, руки, ноги, грудь около сердца.

Как считается в народе, вода, которая предназначена для лечения, должна быть «непочатая», «непитая», набранная из трех родников либо из четырех колодцев, на утренней или вечерней заре, а на Встреченье (15 февраля — день, когда зима с летом встречается) — в полночь. За водой шли не оглядываясь, стараясь никого не встретить, ни с кем не разговаривая, и набирали ее против течения, с приговором: «Здравствуй, колодец Иван, земля Татьяна, вода Ульяна! Я пришла за здоровьем».

Магические действия проводились и после того, как вода была доставлена домой. В хату ее не вносили (или передавали другому человеку, не переступая через порог), набирали непременно из полного ведра (чтобы была «непочатая»), затем бросали в нее один или три уголька либо три зажженные спички, а иногда символически перерезали крест-накрест ножом. Видимо, это делалось для того, чтобы убить болезнь, воспринимаемую как одушевленное существо, сделать ей невыносимым пребывание в больном. Над водой читали молитву «Отче наш», а затем заговор от болезни, содержащий обычно персонифицированное обращение к воде: «Вода Ульяна, ты бежишь по лугам, по берегам. Смываешь луга, берега, камни, кремни. Смой молитвенному,

крещеному (имярек) сглаз!»

Большое значение в знахарской практике играл огонь. Культ огня возник в древние времена, когда наши предки испытывали суеверный страх перед этой грозной стихией и вместе с тем верили в очистительную силу огня. Это и породило магические обряды, связанные с применением его в лечебных целях и для предотвращения эпидемий. Как и в других местах, на Кубани огонь использовали при лечении огника, сибирки, рожи. По народным представлениям, сама болезнь огник возникает из-за непочтительного отношения к огню, поэтому запрещалось, например, плевать в него. Чтобы вылечить от огника, сжигали красную тряпку, а пепел прикладывали к телу больного. Ребенка, больного рожей, подносили к огню и раскачивали, держа близко к пламени. Сибирку подкуривали тряпками, взятыми на свалке. Целебной силой наделялся и потухший огонь — пепел, угли. Заболевшего испугом темной ночью выводили во двор и ставили к стене, так чтобы на нее падала его тень, которую обводили углем. Дымом окуривали помещение при инфекционных заболеваниях, что являлось своего рода дезинфекцией.

В основе таких методов лечения, как «выгрызание» и «высасывание», лежат, очевидно, и вполне рациональные приемы воздействия на причину недуга. Так часто лечили грыжу: знахарь легонько грыз больное место и сплевывал, читая при этом заговор. При болях в пояснице практиковалось «топтанье» болезни: знахарь становился пациенту на спину и топтал ее.

У страдающего лихорадкой, малярией пытались вызвать рвоту, для чего давали ему есть зеленые ягоды или траву. Это называлось «вырвать гнездо» и должно было содействовать изгнанию болезни из тела больного. Кроме того, человека неожиданно окатывали холодной водой, чтобы он испугался. Считалось, что «испугается» и болезнь.

Довольно сложен и кропотлив способ, когда болезнь «вывязывают». Нам довелось наблюдать его в станице Новодонецкой Выселковского района: этим способом маленьких детей лечат от испуга. Болезнь «вывязывают» суровой ниткой, которой сначала измеряют рост ребенка, расстояние между руками, объем головы, ширину плеч, а затем все суставы, так как считается, что «испуг и в голове стоит, и в нутре, и во всех суставах». «Вывязывание» сопровождается чтением «Отче наш» и проводится на молодик, на ущербе и на полном месяце, после чего нитку закатывают в воск церковной свечи и вместе с прядью волос ребенка, выстриженной «крест-накрест», кладут в отверстие, сделанное в притолоке двери. Бытует представление, что, как только ребенок перерастет отметку на притолоке, болезнь пройдет.

Полностью отрываются от рациональной практики обряды «передавания», «откидывания» болезни. Например, при лечении от сухот с ребенка снимали одежду и выносили ее на перекресток дорог. Тот, кто забирал одежду, должен был забрать и болезнь. Иногда болезнь «передавали» животным, птицам: больного обсыпали зерном, которое затем выносили склевывать курам со словами: «Куры, курицы, возьмите мою болезнь!»

В этом и многих других примерах народного врачевания мы имеем дело с явлением, которое в науке определяется как магия, то есть вера в способность человека сверхъестественным образом воздействовать на окружающий мир и людей. Это одна из самых ранних форм верований, она возникла в эпоху верхнего палеолита, то есть примерно 40 тысяч лет назад... Разнообразные магические приемы являлись неотъемлемой частью народного быта жителей Кубани, причем далеко не всегда требовалась помощь знахаря или колдуна. Многие средства любовной магии,

например, были достоянием всех. Девушки и женщины пользовались ими, чтобы приворожить, присушить любимого. Для этого, в частности, достаточно было собрать землю там, где он прошел, и сушить ее на печке (чтобы и он «сох от любви»). Парней привораживали через наговоренные пряники, папиросы, поили молоком, в котором предварительно отваривали ключи, осыпали маком, освященным на первый день Пасхи. Или такой надежный способ закрепить любовь: в хлеб закатывали немного соли и перца, завязывали все это в платочек и дарили мужчине, стараясь вручить подарок непременно в правую руку. Затем слегка ударяли по ней, приговаривая про себя: «Я до тебя с хлебом и солью, а ты до меня со всей душой. Я до тебя с перцем, а ты до меня с сердцем...»

В народной медицине кубанцев одни средства считались чудодейственными, так как с их помощью пытались повлиять на таинственные силы, а другие воспринимались как совершенно обыкновенные, вполне объяснимые способы лечения конкретных болезней. Впрочем, и те и другие, как правило, заимствовались из окружающего мира, природы.

Самое широкое применение находило траволечение.

Календула, мята, шалфей, цикорий («питрив батиг»), крапива, подорожник, чебрец, полынь, спорыш, ромашка, деревей — из этих и многих других витаминных и бактерицидных растений готовили отвары и настойки, мази и порошки, соки, пластыри, лекарственные ванны. Вот как, к примеру, лечили ревматизм: в земле выкапывали яму, в ней разжигали костер, а когда дрова перегорят, сверху клали свежесорванную бузину, затем яму застилали рядом, больной ложился туда, накрывался чем-либо теплым и парился. По поверью, наиболее целебными, чудодейственными свойствами обладали травы, собранные на Ивана Купалу, Симона Зилоту, Троицу...

В этой области врачевания, которая по обилию и разнообразию материала может быть темой самостоятельного рассказа, у кубанской народной медицины много общих черт с русской и украинской традициями. Пожалуй, более оригинальны лекарственные снадобья, связанные с «целебными» животными, птицами и насекомыми.

Издравле магические свойства приписывались таким птицам, как петух (курица), ласточка, суч, кукушка, ворон, голубь, и другим.

Петух считался у славян птицей солнца. Криком своим он приветствовал его восхождение. Солнце же олицетворяло очаг, и петух, по народным представлениям, был связан с домашним очагом, а стало быть, с умершими предками. Поэтому у древних славян в жертву душам предков приносили именно петуха. Петух и курица почитались как символы плодородия, счастья и здоровья. Не случайно эта птица и теперь составляет неперенное свадебное блюдо.

В народной медицине сырую печень курицы прикладывали к бородавкам, а куриная желчь использовалась от ревматизма: ее принимали внутрь и ею растирали тело. Тесто, замешенное на белке куриного яйца, применялось при свихе (вывихе) — его накладывали на травмированный участок. Белком яйца, взбитого с подсолнечным маслом, лечили ожоги, а мед, смешанный с куриным яйцом, использовали в косметических целях — для улучшения цвета лица. В состав косметического средства «спуск», некогда очень популярного в кубанских станицах, также входили яичные белки. Когда болели глаза, сваренное куриное яйцо резали на дольки, посыпали

сахаром и прикладывали к ним.

Практически в любой станице на Кубани больных детей носили «под курей» — так лечили от бессонницы (криклиц). При этом шептали заговор: «Куры белые, куры черные, куры желтые. Заберите, куры, криклицы на череда, на болота — там, где людской глаз не заходит никогда. Там вы, криклицы, установитесь, там вы, криклицы, укоренитесь. От раба Божия (имярек) удалитесь. Вам, курям, перекричать, а рабу Божию (имярек) замолчать».

В народе бытовало убеждение, что некоторые птицы одарены вещим чутьем и способностью предсказывать будущее. По мнению ряда исследователей, птицы эти считались в старину посланцами предков-покровителей. Они несли весть о жизни и смерти. Прилетит ли во двор, сядет ли на кровлю ворон, сыч, сова, филин — жди беды. Но иногда они могли предвещать и добро. Так, в станице Некрасовской мы записали поверье, что, если сыч сядет на трубу и засмеется, у хозяев будет здоровье и счастье.

Птицы, по народным представлениям, могли навлечь и болезнь. Нельзя было бросать, например, где бы то ни было обрезанные волосы: если их подберет птица и унесет в свое гнездо — у человека будет болеть голова.

Чем только в старину не лечились! Например, конский навоз. Его прикладывали к ожогам. При ревматизме в кадку помещали горячий навоз, ставили туда валенки, больной всовывал в них ноги и парил их. Этим же средством лечили от запоя: в стакан выжимали конский навоз, а затем поили им любителя зеленого змия.

Немало мы слышали рассказов и о превеликой пользе медвежьего жира и желчи. Медвежий жир помогал от туберкулеза, воспаления легких, желчь использовалась при ревматизме, а также при болезнях желудка. Сам медведь, животное огромное и сильное, как считалось, мог чудесным образом повлиять на здоровье человека.

Но самым «лечебным» животным по праву можно назвать корову. Говяжьей желчью лечили ожоги, ею же исцеляли специфическую глазную болезнь. А сколько способов лечения коровьим молоком или продуктами, получаемыми на его основе! Так, коросту выводили смесью пороха и коровьего молока, простокваша использовалась при лечении сибирки, а против чирья готовили своеобразный пластырь: на заячью шкурку накладывали сметану и затем привязывали к больному месту. Записан нами и такой довольно необычный метод лечения. Если человек «чахнет от болезни», резали корову, вычищали из нее внутренности, затем больной забирался внутрь коровы по горло и оставался там на несколько минут.

Даже коже гадюки, сброшенной при линьке, в народном врачевании приписывались целебные свойства. В предостережение от лихорадки (малярии) носили на шее, на веревочке, кожу либо высушенную голову этого пресмыкающегося. Кроме того, кожу гадюки высушивали и толкли в порошок, затем его применяли при лечении ран.

Змеиный укус лечили кошачьей лапой (массажировали рану). К слову сказать, и кошачьи царапины, как и укусы собаки, исцеляли за счет провинившегося животного: выстригали у него клочок шерсти, сжигали его и пеплом присыпали рану.

Распространенным способом кровопускания, более щадящим по сравнению с уже описанным нами, было использование пиявок. В первой половине XIX века ловля пиявок являлась одной из статей дохода войсковой казны Черноморского казачьего войска, вместе с добычей нефти она давала ежегодно около 1000 рублей. Пиявки служили и предметом торговли с горцами, казаки тоже охотно покупали их, а затем использовали для лечения.

Отлавливали пиявок в болотах, плавнях, стоячих речках. Чтобы пиявки появились, били по воде палкой, имитируя заход скота в воду, а затем собирали их и складывали в сумку, наполненную землей, которую хранили в холодке, обычно в сарае. При помощи пиявок лечили болезни печени, флюс, чирьи, высокое давление, радикулит и десятки других заболеваний (станция Ладожская Усть-Лабинского района). В народной медицине в качестве лекарств использовались самые разнообразные органы животных. К примеру, пережженный на золу свиной желудок, как и высушенный желудок кур, применяли при поносе. Если у человека в результате перелома начинала гнить нога, рекомендовали сжечь собачье ребро, растолочь его и прикладывать к ране. Собачьим мясом лечили язву кишечника, воспаление легких, туберкулез, а ежиное мясо употребляли при болезнях желудка. Плесневки (молочницу) у младенцев лечили свиной слюной. Из теплой свиной мочи готовили ванночки, в которых парили ноги при наличии грибковых заболеваний (васа). При грыже мазали болезненное место собачьей кровью, а при радикулите носили пояс из заячьей шкурки. Козье и овечье молоко, жир енота, куницы, барсука, овцы считались полезными при простуде и воспалении легких, причем если не помогал один жир, то пробовали лечиться другим. В редких случаях животные жиры смешивались, например, жиром лягушки и индюка пытались врачевать опухоли.

Заметная роль в народной медицине принадлежит и насекомым. С одной стороны, их рассматривали как источник неблагоприятного воздействия на здоровье человека, с другой — сами насекомые использовались для приготовления разнообразных «зелий».

Очень любопытны бытовавшие в кубанских станицах ритуалы изгнания насекомых: блох, клопов, мух, тараканов. Считалось, что избавиться от насекомых можно, «передав» их соседям или просто незнакомым людям, для чего в рукав сажали несколько тараканов и шли в гости. Зайдя в хату, спрашивали: «Принимаете гостей?» И если ответ был утвердительным, тараканы «переходили» к новым хозяевам. Или, например, клопов заворачивали в бумагу, а после бросали в священника, приговаривая: «Куда попы, туда и клопы».

Часто насекомых выносили на перекресток дороги оставляли там в спичечном коробке или яркой тряпке. Иногда с ними клали деньги, какие-нибудь безделушки. Тот, кто забирал эти вещи, «брал» с собой в дом и насекомых.

Выводили насекомых и растительными средствами: ромашкой, полынью, бузиной. От укусов повсеместно использовали «деревянное масло» (скипидар), в которое предварительно добавляли чеснок. Лечили укусы и медом.

Сами насекомые и продукты их жизнедеятельности также применялись для лечения различных болезней. Поверхность раны закрывали паутиной или «земляным пухом», то есть землей, смешанной с паутиной. Заметим, что, по данным медицинской науки, в паутине действительно содержатся вещества, угнетающе влияющие на бактерии. Она может годами сохраняться во влажной среде, не разлагаясь.

Живого паука носили в скорлупе грецкого ореха на груди, полагая, что это излечивает от лихорадки («паук сдохнет — болезнь пройдет») \ От водянки пили воду с разваренным в ней сверчком, желтуху лечили хлебным мякишем с закатанной в него вошью: больной глотал это снадобье. При этом говорили, что «паразиты паразитов побивают».

Если большинство насекомых в народе относили к «дьявольскому творению» (комары, саранча, пауки, блохи, вши, клопы), то пчелы считались чистым, «божьим» созданием, «назначенным» на служение человеку. Пчеловодство на Кубани получило развитие в основном в предгорных и горных районах, но в народной медицине мед и продукты пчеловодства применялись повсеместно.

Пчелиный воск использовался не только в некоторых магических обрядах (от сглаза, переполоха), им лечили, например, расстройство слуха, когда в ушах образовывались «пробки». Восковую трубочку вставляли в ухо и поджигали. В результате этой процедуры в трубочке накапливалась ушная сера (станция Кубанская Апшеронского района). Размягченный пчелиный воск прикладывали на ночь к больным глазам.

Пчелиным медом лечили ожоги на коже, раны, глаза, нередко мед использовался в комплексе с другими средствами животного и растительного происхождения. От кашля пили яичную воду с медом, при воспалении легких готовили отвар из меда, ягод калины и свиного жира. Прополисом лечили раны и опухоли, а настоянный на спирту употребляли от простуды.

В народе всегда считалось, что мед не только вкусный и питательный продукт, но и средство продления жизни, долголетия.

Помимо «лекарственных» животных, существует еще одна ветвь народной медицины, связанная [с использованием могильной земли, атрибутов погребального обряда и т. п. Эти способы не находят рационального объяснения, если не принимать во внимание огромный эмоциональный и нередко психотерапевтический эффект. При стечении определенных обстоятельств подобные средства могли вызывать у суеверных людей ужас, отвращение и одновременно — глубокую веру в целебность столь необычного лекарства.

В народе бытовало суеверное представление о том, что с помощью костей мертвеца и вообще всего, затронутого дыханием смерти, можно умертвить и саму болезнь. Например, веревка, которой связывали ноги покойнику, использовалась для лечения свиха (вывиха), ревматизма, зоба. Эту же веревку вшивали в рукав драчливому мужу (станция Темижбекская Кавказского района). А платок, который вешали перед уходом с кладбища на крест, «помогал» от головной боли.

Общеизвестно поверье о том, что, если человек перейдет дорогу похоронной процессии, у него появится кожная болезнь «наростень». Эту таинственную хворобу и лечили соответственно: надо было приложить к болячке «мертвую руку» (то есть руку покойника). Очень сильным средством считалась и могильная земля. Ее клали за пазуху, чтобы не бояться мертвецов, с помощью могильной земли девушка привораживала понравившегося ей парня.

Вера в магическую лечебную силу мертвых нашла отражение в некоторых заговорах, например от

зубной боли.

— Месяц-молодик, ты мертвых людей видал? — обращался больной к ночному светилу. И сам же за него отвечал:

— Видал.

— У них зубы не болят?

— Не болят.

— Чтобы и мои зубы занемели, как у мертвого! Сила заговорного слова заключается здесь не только в магической установке типа «подобное вызывает подобное», но и в обращении к месяцу, который в славянской мифологии — «признавался за божество, озаряющее мир загробный».

Вообще, многое в народной медицине, как объяснимое, так и не объяснимое с рациональной точки зрения, можно полностью расшифровать лишь с помощью мифологического «ключа», реконструировав в тех или иных деталях картину мира наших языческих предков. Поэтому еще раз повторим ту мысль, что для изучения этой области традиционной культуры необходима совместная работа представителей различных наук: этнографии, фольклористики, медицины, лингвистики, психологии... Только тогда станет окончательно ясен скрытый смысл действий и снадобий народных лекарей, шептаний знахарки или приговора казачки, обращающейся на вечерней заре к «непечатой» воде с простыми, казалось бы, словами:

«Добрый вечер тоби, вода Ульяна, святая, орданская, ангельская и архангельская! Ты прибуваешь из гор и долин, лугив и берегив, щоб так и до мене, рабы Божои, прибували добри люди...»